

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Современность в контексте истории

Новое Средневековье: восстанут ли умершие монстры?

Выступление Марелова на конференции «Стратегии России: “общество знаний” или “новое Средневековье”?», прошедшей в Москве 3-4 апреля 2008 г.

Маятник качнулся. Закат капитализма не представляется дикой ересью на фоне экономического процветания и зрелища либеральной свободы. Свобода и процветание, правда, хорошо видны только на ширмах капиталистического общества в виде самых развитых стран, а в остальных – нельзя даже говорить о постиндустриальном обществе, так как они еще не успели войти в индустриальное. Зато камеры телевидения снимают именно красивые ширмы и довольствуются потемкинскими деревнями потребительского рая крупных мегаполисов. Но ширмы стоят меньше домов, и потемкинскую деревню, как известно, разобрали сразу после проезда Екатерины, а страшный картонный вокзал, который с показушным изуверством сделали фашисты в Треблинке, рухнул от первого намека на приближение войск-освободителей.

Держаться за картинку общества потребления больше невозможно. Картинка не выдерживает навешенной на нее идеологической тяжести и обещаний «конца истории» и потребительского рая. Ни один из глобальных вызовов не разрешается, максимальная степень социального вмешательства правящих олигархий – это затягивание решений проблем и перекладывание болезней на плечи потомков. Радость от того, что худшие прогнозы «Римского клуба» не оправдались, тут же нивелируется новым букетом тотальных вызовов, о котором мирные участники «Римского клуба» еще даже не подозревали.

Переход от динамичного капиталистического общества к статичным общественным отношениям настолько очевиден, что уже не отрицается никем, кроме, может быть, самых неолиберальных ортодоксов. Название для регресса уже придумано – это «постиндустриальное общество». Идиотизм этого клише очевиден даже визуально: не называем же мы феодализм «пострабским обществом», а капитализм – «постфеодальным».

Социальной критике правящей леволиберальной идеологии предпочитают более емкое и точное определение – «Новое Средневековье». Критерии, по которым заметно приближение к «темным векам», очень емко в виде 13 тезисов высказал профессор А.В. Бузгалин.

Однако все не так просто. Повкалявав несколько сот лет на заводах и фабриках, нам и нашим семьям вновь придется уйти в крепостную зависимость к феодалам и баринам. Или, с другой стороны, мы вновь осядем на землю и возродим крестьянскую культуру, полностью отгородившись от ужасов мегаполисов с их тотальным доминированием и безграничной экологической экспансией. Средневековье ли нас ждет? В конце концов, при возникновении капиталистических отношений все говорило именно о приходе Новой античности. Под знаком Новой античности прошли и Возрождение, и Великая французская революция. Однако можно как угодно оценивать сегодняшнее общество, но никто никогда не думает называть его античным.

«Новое Средневековье» – это было бы слишком просто и ясно. Но, чтобы не быть голословным, представлю свои аргументы, опровергающие 13 тезисов в пользу идеи прихода Нового феодализма.

Итак, первый блок – общественно-политический:

1. Глобализация

Средневековье принимало глобализацию только в духовной сфере, и то у каждой средневековой цивилизации была своя глобальная духовная идея. В общественном же плане все Средневековье прошло под строго противоположной тенденцией локализации. Появление абсолютистских режимов означало закат Средневековья, и абсолютные императоры своим земным всевластием ставили крест на средневековых ценностях. Кратковременные империи раннего Средневековья, будь то королевство Франков при Карле Великом или Арабский халифат, эту систему не нарушают, поскольку их роль в основном сводилась к прививанию общих культурных и духовных ценностей в пределах большого пространства, а политически они распались практически сразу после смерти своих создателей-лидеров.

Тенденция нового общества прямо противоположна. Глобализация духовности интересуется его в последнюю очередь, просто ввиду вымывания таких ценностей, а политическая глобализация поставлена во главу угла и стремится к всеобщему и всемирному охвату, независимо от государственных границ и культурных особенностей. В Средневековье проникновение общественных институтов и ценностей могло происходить только путем уничтожения последних (зороастрийцы в Иране, иудеи в Испании и т.д.). Это была крайне жестокая практика, однако она вынужденно консолидировала малые общества, полностью консервируя их. Сейчас подчинение осуществляется, не обращая внимания на ценностные ориентиры, даже с целью ликвидации последних. Культурные различия теряются сами собой и быстрее, чем в Средневековье. Деградация оказывается более действенной, чем уничтожение. Глобализация сильнее локализации, а мягкая власть лучше обеспечивает

всемирное единство, чем жесткий вассалитет с опорой на глобальные духовные ценности.

2. Централизация

Классическая ситуация Средневековья: житель деревни понимает язык соседней области, но через область уже понимает с трудом, а через две – речь становится абсолютно непонятной. Литературный язык – латынь в Европе или классический арабский на Ближнем Востоке – знал только узкий слой элиты. Национальный язык отсутствует как факт, языковая ситуация напоминает сегодняшнее положение в Папуа – Новой Гвинее, где такая же система языковой шахматной доски, когда невозможно выделить основной язык и диалекты. Соответственно, сведения друг о друге распределяются именно по такому же принципу – исключительно горизонтально, на уровне контакта с соседями, без какой-либо централизации. Средневековые центры и города представляют собой закрытые сообщества, сознательно не пускающие в себя никого лишнего. Странники-пилигримы – это носители религиозного сознания, которые способствуют распространению скорее религиозных идей и мифов, а не реальных знаний о других землях. Другая категория странников – торговцы, они не подвержены религиозной экзальтации, но из соображений конкуренции сознательно скрывают сведения о других странах.

В наступающем обществе централизм оказывается общественным стержнем, диктующим правила жизни даже в самых отдаленных населенных пунктах. Новости СМИ буквально забиты сообщениями из мегаполисов, включая чисто бытовые и откровенно развлекательные. В результате житель небольшого города лучше знает, что происходит в Москве, Нью-Йорке и т.д., чем в соседней области. Более того, горизонтальные связи специально обрываются ради абсолютной монополии в отношении мегаполиса с обслуживающей его остальной территорией. Сейчас из Москвы в США звонить дешевле, чем в соседнюю республику СНГ. Билет на самолет в Европу, оказывается, покупать более выгодно, чем билет на российский Дальний Восток или в Сибирь. Количество туристов, отправляющихся в зарубежные туристические центры, несравнимо превышает количество людей, приезжающих в российскую глубинку, и т.д. Причем это не только российская ситуация, – сознательный разрыв горизонтальных связей ради установления монополии отношений «центр- периферия» становится одним из показателей нового общества.

3. Основные материальные ценности

Экономика средневекового общества исключительно монетарна. Но это не монетаризм торговли, это монетаризм накопления. Повсеместно в Средние века богатство подсчитывается в золоте, серебре, драгоценных камнях, производных от этого ювелирных изделиях и владении участками земли. Все остальные критерии богатства временны и ненадежны, даже фетиш Средневековья – еда и вино – в случае их переизбытка превращается в бедствие, поскольку нет технологий хранения, а цены на рынках падают до неприемлемых. Средневековое богатство – богатство накопительства, рассматриваемое буквально. Какие-либо виртуальные критерии роскоши не принимаются. Нематериальные ценности в Средние века – это синоним духовных ценностей, что не относимо к экономике.

О таком ортодоксальном монетаризме сейчас только говорят последователи Хайека и Фридмана, и то очень тихо, поскольку их взгляды никак не совпадают с реальностью. Экономическое богатство давно ушло из-под реальных оценок и в большей степени вертится на основе спекулятивных величин. Полубандитская поговорка в России 90-х годов – «Понты дороже денег» очень четко характеризует критерий богатства в возникающих социальных отношениях. Степень влияния более значима, чем обладание конкретными материальными ценностями, в том числе деньгами, причем значимость имеется в виду именно экономическая, являющаяся синонимом богатства. Сейчас богатство – это не эквивалент роскоши, что осталось вторичным признаком, а признак влияния. Соответственно меры этого богатства становятся виртуальными, спекулятивными величинами.

4. Принадлежность орудий труда

Феодальная экономика уникальна в своей организации тем, что предоставляла работникам орудия труда в их полную собственность. Она могла отнять предмет труда (землю, зерно), сделать бесправным самого работника, обложить его невыносимыми трудовыми обязанностями, но на соху и плуг никто из феодалов особо не покушался. Более того, во многом основная производственная единица в Средневековье – крестьяне – рассматривались просто как продолжение своего орудия труда, некий элемент приложения физической силы. Поэтому мужчина ценился несравнимо больше, а женщина не рассматривалась вообще как лицо, обладающее производственным потенциалом.

Многие заметят, что сейчас орудия труда в виде компьютеров и предметы труда в виде информации могут также принадлежать работнику, но это относительная принадлежность машины работнику в мануфактуре. Да, работнику может принадлежать компьютер, но без единой сети Интернет его труд не имеет выхода, а единые информационно-технологические сети как раз работникам не принадлежат и никогда принадлежать не будут. Получается, что без объектов собственности информационных олигархий частный компьютер человека становится не более чем пишущей машинкой. С другой стороны, рынок информации, степень ее востребованности и критерии распространения являются исключительной принадлежностью олигархий. И эта собственность сейчас выглядит абсолютной настолько, что даже слабые попытки ее монополизировать встречают жесткую и однозначную реакцию. Так называемое альтернативное медиапространство по степени значимости напоминает альтернативные религиозные коммуны в Средние века и скорее выглядят интересными социальными проектами, не оказывающими серьезного влияния на господство правящих олигархий.

Следующий блок – культурно-идеологический:

5. Идеиные ценности

В отношении Средневековья обычно говорят не об идейных, а о духовных ценностях, которые лежали в основе всего мировоззрения того времени. Жители в Средние века не

разменивались по пустякам, предпочитая крайности. Очевидно, что постоянное маргинальное состояние общества, готового впасть то в голод, то в эпидемию, то в нескончаемые войны, провоцирующие и первое, и второе, подталкивали людей к радикальному поиску удовлетворения в ином мире. Мир средневекового человека настолько часто оказывался на грани уничтожения, что апокалипсис представлялся желанной и близкой целью. Все мирское априори подлежало уничтожению как производное дьявола. Причем такой подход был характерен не только для народных низов, но и для самой просвещенной части общества. Великий Боттичелли сжег свои произведения, наслушавшись проповеди Савонаролы¹. Под лозунгом «сжигания сует» дамы уничтожали свои украшения и выкидывали дорогостоящие наряды. Если мирской жизнью правит дьявол, то отдушина – в духе, а дух только на небесах. Идеальный спор Средневековья: застрял ли дух в храмах как островах благочестия или духовность священничества продана вместе с индугенцией?

А теперь представьте себе, что какая-нибудь «новая русская» Матрена сжигает свои украшения?! Да даже в пьяном угаре новоявленный босс не позволит себе купеческой удали сжигать деньги, и придворный художник типа Шилова никогда не наслушается ничьих проповедей, кроме «проповеди» биржевого агента и представителя власти. А Церетели скорее разрушит все чужие скульптуры, чем смахнет пылинку со своих скромных ваяний. Их творения – живые деньги, деньги – мерило удовольствий, удовольствие дает наслаждение. Именно наслаждение становится главным фетишем современного общества, радикально отличая его от Средневековья. Даже если ты не обладаешь сколько-нибудь значительным богатством, тебе доступны наслаждения от целого, значит, ты причастен к основной ценности имеющейся цивилизации. Все Средневековье боролось с наслаждением, теперь наслаждение борется с нами.

6. Характер проникновения идей

Такое ощущение, что в Средние века церковная кафедра выплеснулась на улицу. Проповедь сменяется проповедью, и странствующие адепты создают основное медийное пространство Средневековья. Для предотвращения крупнейшей ереси катаров Ватикан посылает помимо войска своего лучшего проповедника², и значимость его речей была чуть ли не больше, чем военный поход против ереси. В самих знаменитых крестовых походах момент проповеднический абсолютно довлеет над политическим. Пик средневековой духовности – «Поход детей». Как известно, общество бранило тех родителей, которые отказывались отдавать своих чад в поход на верную гибель. Даже неминуемая смерть этих детей приобретает характер проповеди, но уже проповеди народной в виде знаменитой средневековой легенды о крысолове, уводящем детей под воду из-за неуплаченного вознаграждения за работу. Идеи доминируют над военно-политической значимостью. Когда сарацины предлагают предмет чаяния всех крестоносцев – Иерусалим с гробом Господним, то последние отказываются, потому что их дух не позволяет идти на сделку с сарацинами.

А теперь попробуйте представить, что американцы в Ирак посылают не столько войска, сколько проповедников и духовных пастырей? Или отказываются от контроля над нефтью из-за того, что нельзя о таком договариваться с покровителями террористов? Само предположение об этом выглядит смешным. Проповеди исчезли даже из церкви, их заменили сектантские растяжки: «Что за Бога мы имеем?». Проводник идей новой

цивилизации – это развлечения, а все идущие войны рассматриваются как новомодные милитаристские шоу. Теперь ценности в голову вбиваются не проповедниками, а рекламой, и от людей требуется не экстатический порыв для их принятия, а наоборот, полное расслабление для засасывания в болото развлекательного потребления.

7. Оппозиционные ценности

В средневековой морали всегда была очень жесткая и непримиримая оппозиция инородной культуре. Война между ними велась не на жизнь, а на смерть многие века. Если церкви, власти и господствующим ценностям удавалось срубить верхушку язычества, то корни и побеги никуда не девались. Запретное, личностное, телесное, материальное постоянно пробивалось через народные обряды. Слабые уступки в виде «натягивания» религиозных праздников на дни языческих гульбищ выглядели не более чем приемлемым компромиссом. Стоило отойти на пять километров от храма, как церковные песнопения становились неслышны, колокола умолкали и в свои права вступал природно-календарный цикл, требующий соблюдения отнюдь не спекулятивных, а материальных правил. Народная культура начала хиреть, замирать и бальзамироваться с началом умирания высокой рыцарской будуарной культуры. Так тень усыхает вместе со своим престарелым хозяином.

А теперь вспомните, что вы знаете из народной культуры, кроме пары похабных частушек и выступления, так сказать, фольклорного ансамбля, стучащего опереточными каблуками по эстрадным подмосткам? Раньше такого вопроса не возникало, и прелаты веры были вынуждены уходить из мира, чтобы очистить себя от знаний народного фольклора и народных ценностей. Именно последнее и называлось «мирским». Ну неужели новое общество не имеет своей антитезы? Безусловно имеет, но песочные часы перевернулись, и теперь идейной альтернативой возникающей цивилизации становится фундаментализм. Причем фундаментализм не только религиозный. Он на виду, как самый радикальный и заметный. Фундаментальная наука, фундаментальная классическая культура, фундаментальные ценности – это прямые бастионы противостояния господствующим взглядам. И чем больше будет проявляться новое отношение, тем четче станут видны бастионы фундаментализма. Также и в Средневековье попытки примирения фундаментальных ценностей и потребительской культуры выглядят надуманными и только на время спасают от прямого конфликта. Эти два полюса будут бороться друг с другом вечно, пока не погибнут вместе с обществом, которое они раздирают на части.

Третий блок – национально-исторический:

8. Экспансия и закрытость

Общество в Средние века – это общество «одного двора», которое может быть расширено до города или области, но никак не больше. Выход за пределы этого круга не то что порицается, а считаетсяотягающим преступлением. Это отход от системы традиционных ценностей, отход от того мира, который дает фундамент бытия и защиту каждому. Такой подход повсеместен, вспомните знаменитый фильм Куросавы «Тень воина», где красной

нитью проходит мысль, что «гора непобедима, пока стоит на месте». Как только правитель выводит войска за пределы своих земель, он терпит сокрушительное поражение. Единственное, что давало силы оторваться от привычного круга бытия, – это религиозный упадок. Этот стимул действовал как на индивидуальном уровне пилигримов, так и для целых общественных движений (основание Халифата, крестоносцы). Соответственно, каждое путешествие превращалось в подвиг и окрашивалось сквозь призму мистического религиозного опыта, пусть даже оно и сопровождалось вполне реальными захватническими порывами. Все остальные, кто связал свою судьбу со значительными перемещениями, рассматривались как маргиналы – будь то маргиналы социальные (разбойники, странствующие студенты), или маргиналы национальные (скандинавы, монголы, венгры в раннее Средневековье), пусть последние и покоряли огромные, более цивилизованные территории. Даже странствующие торговцы, к которым многие испытывали естественную материальную зависть, в социальном статусе были ущемлены и ощущали на себе полупрезрительное отношение общества.

Экспансия – бог нового общества. В отличие от классического капитализма она реже проявляется в прямой форме. Только когда это очень нужно и диктуется необходимостью контролировать ресурсы, в первую очередь нефть (Ирак, Сомали). Прямая экспансия, как и поддержание колониальных режимов, очень затратна, вызывает прямое недовольство местных жителей и опасность своевольничанья местных начальников. Современное общество держится на основе «soft power» («мягкой власти»), правда, держит эта «мягкая власть» намного жестче любой диктатуры. Мягкой экспансии сложнее сопротивляться, потому что она проводится чужими руками на расстоянии. Удобство отдаленной экспансии выявилось еще во времена колонизаторов, когда народы-метрополии вообще не страдали от колониальных войн, оставляя минимальный риск своим подготовленным армиям. Теперь не рискует даже армия, потому что экспансия проводится через деньги, массовую информацию, вдалбливание единых ценностей, местную власть и полную экономическую зависимость от остального мира. Экспансия – процесс постоянный, не связанный с каким-либо порывом и тем более религиозным экстазом. В отличие от средневекового общества современное рухнет не от направленности вовне, а наоборот, от замыкания в самом себе. Чтобы постиндустриальный мир существовал, он должен проводить перманентную экспансию, выкачивая ресурсы у других и реализуя собственные политические и социальные потенциалы.

9. Критерий идентификации

Основная ценность феодализма – земля, и люди привязаны к земле не менее, чем деревья. Соответственно каждый ценен своими корнями, т.е. происхождением, родом в самом тесном кровном понятии. Нации не играют существенной роли, сосед совершенно других кровей оказывается ближе, чем человек одной национальности, проживающий в других землях. Средневековье переполнено примерами межнациональных государств. Крупнейшие державы феодальных времен (Византия, Великое княжество Литовское, Священная Римская Империя, Монгольская Орда) абсолютно не имеют национального стержня. Когда российские ученые устраивают совершенно идиотский спор, каких кровей были приглашенные князья, они не обращают внимания, что звать этих князей приходили представители восточнославянских и финских племен, совершенно различных и по языку, и

по происхождению. Средневековая идентификация исходит из земли, а не из нации. «Мы – лотарингцы», «мы – эльзасцы», «мы – провансальцы», а не «мы – французы». «Мы – суздальцы, владимирцы, новгородцы», а не «мы – русские». Самое четкое определение понятия «средневековый житель» – здешний, понимающий язык, обычай, имеющий здесь родственников и, соответственно, защиту своего рода. Религиозная идентификация существенна, но только в момент острых религиозных конфликтов. Средневековое общество экстаично, но в вопросе веры настолько плотно переплетается с бытовой языческой обрядностью, что официальная религиозность тонет в необходимости соблюдения норм календарно-природного цикла.

В буржуазном обществе все решала нация. Француз или англичанин, пусть даже родившийся в колонии, оставался представителем колониальной державы, а не туземцем. Буры, потомки голландцев в Южной Африке, считали себя уже коренными жителями страны, но ни при каких обстоятельствах не смешивались с черными африканцами. Религия отходила на второй план, религиозные предпочтения могли разделять американцев, немцев, украинцев, корейцев и японцев на сколько угодно частей, что не мешало чувствовать им национальное единение. В современном обществе вопрос нации часто является вопросом выбора, но от этого он не перестал быть более жестким. Причем выбор национальности есть не результат прогресса наиболее развитых стран, а часто – продукт суровой необходимости. Во время грузино-осетинской войны один брат мог идентифицировать себя как осетин, второй как грузин, и фанатично воевать друг с другом. В наиболее острых конфликтах национальность есть момент вызова и выбора противостоящей стороны. Вспомните хотя бы конфликты в Югославии или бесконечную войну в Курдистане. Происхождение уже не важно, религия идет как дополнение к национальности там, где это играет существенную роль. Постиндустриальное общество разрешило свободу выбора национальности, но эта свобода означает жесткое самоопределение в конфликте или хотя бы в своем месте под солнцем.

10. Концентрация власти

Вопрос власти в Средние века – каноничен и освящен, аристократия – символ благородства, рыцарство из военных наемников превращается в синоним слияния лучших человеческих черт. Переход из одного класса в другой невозможен или только по высочайшему повелению правителя, держащему в своих руках высшую обожествленную власть. Она сакрализована, и покушение на нее носит характер святотатства. Сосредоточение власти происходит необязательно в одних руках, но оно монопольно именно в плане принятой концепции правления. Даже если у правителя не осталось никаких полномочий, кроме ритуальных функций, эти ритуальные функции всячески демонстрируются и афишируются. Власть – самый заметный политический институт в Средние века. Сравниться с ней может только Церковь, но Церковь выходит за пределы политики, теряя свои купола в бескрайних границах духовных небесных полей. Светский правитель не залезает так далеко, чтобы в любой момент своей рукой достать подданных и напомнить о собственном всемогуществе. Основное идейное стремление Средневековья – соединить духовные и светские купола власти. Создать господствующую аристократию духа – монашеские ордена и суфийские братства, самурайские кланы и рыцарские знамена. Каждая из этих привилегированных групп обязательно создает свой кодекс чести, действующий сильнее общегосударственных

законов. Понятие «честь» наполняется неслыханным содержанием и доминирует над всем образом жизни. То, что все эти благородные классы всегда являются социальными паразитами, в расчет, естественно, не принимается, так как паразитизм дает возможность им быть благородными.

Современная аристократия духа в лице интеллектуалов напоминает старых загнанных зубров, выставивших рога, чтобы спасти себя от неминуемого вымирания. Так же как у беловежских зубров, у них возникают проблемы взаимного переименования, только вместо кровосмешения происходит смешение идей, все более и более удаляющихся от нужд общества и от всяческого понимания. Реальная власть не отягощает себя словами «честь», «доблесть», «благородство» и прочими радужными клише. Она откровеннее и собственный паразитизм не скрывает от общества, давая последнему возможность даже посмеяться над собой, но власть в постиндустриальной среде не спешит выдавать себя. Если в Средневековье за слабым правителем были видны кукловоды-аристократы, то сейчас кукловоды-олигархи спрятаны в тени настолько, что их случайная демонстрация равносильна проигрышу и потере степени влияния. Источник власти не сакрализуется, но при этом возводятся в абсолют властные рычаги – владение ресурсами, информацией, рынками сбыта. Нынешняя власть не менее оторвана от общества: вместо занебесных тронов она предпочитает отчаливать от нас на роскошных яхтах. Это показательно – мы не видим ее каждый день, не находимся в блеске ее величия, но при этом все сильнее зависим от ее рычагов.

11. Оправдание власти

В Средние века идея власти была сильнее самой власти, особенно в раннем Средневековье. Постепенно это положение сходило на нет. В самых ранних страницах «темных веков» фигура правителя была настолько сакральна, что могла подвергаться ритуальному убийству или ритуальной замене, что для властной идеи одно и то же. Реальными правителями становились полководцы, которые в очень скором времени подпадали под свет лучей божественности. Даже восстания не посягали на сакральную функцию власти. Одно из самых значительных восстаний «Краснобровых» в Китае I в.н.э. закончилось полной победой, и это привело только к появлению новой династии. Идея фикс любого феодального восстания: власть нарушила принцип преемственности, трон захватили самозванцы, и, следовательно, надо восстановить божественный порядок. Необходимость легитимации власти истинных самозванцев приводила к экстраординарным поступкам. В том же Китае крупнейшие морские походы и географические открытия под руководством Жэнг Хе в XV в.З делались ради того, чтобы захватившего трон императора признало как можно больше земель и местных князьков, пусть даже и не имеющих представления, где находится этот Китай. Благодарность подданных властитель завоевывал тоже своеобразными поступками, свойственными если уже не богам, то божественным героям. Это могла быть многократно подчеркнутая в дифирамбах храбрость на поле боя, царская милость или, наоборот, беспощадность. Даже когда аристократия реально забирала власть, правитель только по формуле был «первый среди равных», в реальности подразумевалось, что это «первый среди лучших», ибо тогда сакральная власть распределялась среди многих лучших, которые всячески отделяли себя от народа.

Идеологи буржуазии открыли идею, перевернувшую концепцию власти. Божественность потеряла всякий смысл. Дух ушел в сферу морали, а власть возникла благодаря естественному порядку. Игры с естественностью и приближение к природе постепенно из прогрессивной борьбы с прошлым перешли к крайности и превратились в социал-дарвинизм, когда власть перестала скрывать звериную сущность. Потребовалась реализация естественности власти и насилия в фашистской практике, чтобы современное общество отказалось от схемы опускания человеческих отношений до уровня природы. Но поворота обратно, к сакральному, как не было, так и нет. Теперь власть – это, действительно, первый среди равных, при этом первый – не обязательно лучший, он может быть и худшим. Роль правителя определяется не божественностью наследства или его личными качествами, а умением подстраиваться под интересы общества здесь и сейчас и отвечать требованиям тех, кому реально интересна власть. Естественный порядок заменен естественной борьбой монополий и олигархов. Современная концепция власти – это вершина айсберга этой борьбы. Как всякая вершина, она красива и величественна, но сама по себе никуда не плывет, действительно же бóльшая часть айсберга управляет всеми властными пиками.

Теперь различия определены, и возникает вопрос: «Зачем нам все это?» С такой же легкостью мы могли найти отличия современного общества от древнего или даже первобытного уклада. Но определение необходимо, хотя бы для поиска путей сопротивления и ухода от неизбежности подчинения. И это диктует необходимость обозначения различий. При феодализме трудами многих в разные времена и в разных странах были найдены пути поиска свободы. Феодальное общество было жесткое, очень часто ставило людей на грань жизни и смерти, но оно не было всеконтролирующим. Уход из него лишал стабильности, но давал свободу. Уходить сейчас особо некуда, это могут быть индивидуальные порывы, но никаких коллективных, автономно существующих общин. Само их наличие подрывает основы монополии системы, даже если они никого не трогают, как, например, община духоборов в Канаде.

Феодализм давал возможность для локализации, достаточно было закрыться в городе-коммуне, чтобы получить свободу для его граждан, а то и замахнуться на соблюдение принципов справедливости и равенства (как, например, в Мюнстерской коммуне 1534–1535 годов)⁴. Локализация сейчас невозможна. В современном обществе все те, кто не в мейнстриме, смываются волной. В отличие от феодализма оно не застойно и, следовательно, не дает возможности для существования отдельных островков справедливости.

В Средние века был шанс добиться равноправия благодаря автономным проектам. И автономные ремесленные образования жили самостоятельной жизнью, защищая всех своих членов по правилам, принятым только ими. Во внутреннюю жизнь крестьянских общин особо никто не вмешивался, главное, чтобы те выполняли наложенные обязательства да платили подати. Сегодняшний так называемый «третий сектор», мир некоммерческих организаций, отнюдь не автономен. Он жестко вписан в систему как инструмент влияния и используется теми же властными кругами для контроля над обществом и смягчения

противостояния в нем.

Особенность сложившейся ситуации в том, что заведомая обреченность локальных очагов сопротивления вынуждает к расширению как его тематики, так и географии. При этом позитивные проекты, т.е. направленные на появление действительных отношений, не совпадающих с ценностями сегодняшнего мира, происходят как можно более незаметно, сознательно не афишируя себя. Получается уникальная ситуация, когда максимально громкое, разрекламированное сопротивление сочетается со столь же максимально закрытыми, нигде не высветляемыми позитивными действиями. Эта ситуация вынужденная, диктуемая именно новым обществом, столь неудачно названным «постиндустриальным».

Локальные протестные настроения никому не интересны и подавляются на корню, если они не имеют глобальной поддержки. С другой стороны, всяческие попытки создания автономных структур бывают сразу жестко подавлены, как только они заявляют о своей серьезности, альтернативности, организованности. Постиндустриальное общество рождает внутри себя сеть автономных ячеек, не спешащих заявлять о себе, для которых любые столкновения с системой – это только внешний видимый край их деятельности. И новые ценности рождаются именно внутри таких сетей, а отнюдь не в культурных протестах против монстра «Нового Средневековья».

Опубликовано в «Новой газете» 22 января 2009 г., № 6

Прямой потомок старых традиций

Выступление Станислава Маркелова на круглом столе 3 июня 2008 г. «Феномен и парадоксы русского демократического социализма: 56-я годовщина манифеста “На пути к единой социалистической партии”. Социалисты и анархисты – участники сопротивления большевистскому режиму»5.

[Станислав Маркелов]: Очень симптоматично, что я несколько выпадаю из общего ряда людей, собравшихся за этим полукруглым столом. Не только потому, что я крайне левый и даже табличку с моей фамилией поставили на левом конце стола, но и по профессии: я оказался в кругу историков и политиков, а я, наверное, человек, к которому упоминавшаяся выше формула меньшевика Церетели о том, что эсдеки решали вопросы здесь и сейчас, относится ближе всего.

Я адвокат и защита прав человека «здесь и сейчас» – это и есть то, что я делаю каждый день на своей основной работе. Я вдруг почувствовал после воспоминаний об этих словах Церетели, что уж если я не революционный оборонец, то по меньшей мере прямой потомок тех старых традиций хотя бы в своей профессиональной деятельности. И кроме того, этот манифест, подписанный в 1952 году в эмиграции группой меньшевиков и эсеров, которому посвящен наш сегодняшний «круглый стол», мне очень близок, как и эта синтетическая традиция объединения двух течений, двух направлений социалистической мысли в России, потому что я всегда, будучи левым, был западником по своим мировоззренческим позициям, но никогда не был марксистом. Это очень редкое сочетание, потому что меньшевики почти

поголовно все были марксистами, а эсеры – это все-таки народническое течение, и оно было ближе к левой группе славянофильской почвеннической ориентации.

[Реплика К. Морозова]:.: Но Маркса они не отрицали.

Они не отрицали, но брали его в реформированном виде. Но все-таки нужно учитывать, что это начало XX века. А тот документ, который мы сейчас рассматриваем, оказал на всех нас влияние. Причем это не просто так было: собрались эмигранты за чашкой чая и решили, что их стало мало и надо объединяться. К 1952 году эмигрантов социалистического направления осталось уже крайне мало, и вот они решили: поскольку мы все в красной книге (в данном случае «красная книга» в двух смыслах – редкие виды и последние красные), давайте объединимся, чего нам делить-то? Тогда ведь такие объединения произошли и у анархистов (там синдикалисты с коммунистами между собой договорились), и у либералов. Но, как ни странно, эта попытка объединения ознаменовала собой переходный этап. Прежде всего это действительно такая, как правильно говорили, *in temora*, буквально надгробный камень над всеми отрицательными чертами народничества и меньшевизма. Я напому эти отрицательные черты, я думаю, их никто не будет оспаривать, потому что это уже приговор истории. У меньшевизма это безумный ортодоксизм, которым они гордились. Помните, один из лидеров меньшевиков, Аксельрод такой себе псевдоним и взял – «Ортодокс». Это догматизм.

[Реплика П. Кудюкина]: Это не один из лидеров. Это не Павел Борисович. Это Любовь Исааковна.

Да-да-да. Во всяком случае, своим ортодоксизмом гордились все. Это марксистский догматизм. Безусловно. Что в принципе привело к ситуации, когда меньшевиков называли – вечно опаздывающая партия. Это пролетартизм. Все-таки социальная база меньшевиков была крайне узкая. Это именно был пролетариат, ну и, так скажем, определенные национально-территориальные области: Грузия, еврейские общины в виде Бунда, который в 1918 году объединился с РСДРП. КВЖД, кстати. Интересно, мало кто вспоминает, что это просто был меньшевистский оазис – КВЖД.

Что касается эсеров, это, безусловно, акцент и патетика индивидуальных действий, а потом уже отталкивающая практика индивидуального террора. Это, как ни странно, одна из особых эсеровских черт – революционность. Как ни странно, потому что революционность позволила эсерам стать самой популярной, самой массовой партией именно во время революционных взрывов. Во время революций эсеры набирали немыслимую популярность. 500 тысяч человек эсеров это не 500 тысяч бабушек КПРФ в 90-е годы. Это наиболее социально мобильная группа, это в первую очередь молодежь, которая буквально двигала историю. Но что становилось с этими сотнями тысяч, как только революционная волна спадала? По данным царской охранки, в 1912 году внутри страны эсеровских групп фактически не было. Все переместилось за рубеж. Большевики держались на уровне профсоюзов, рабочих комитетов, как-то держались, эсеровское влияние упало почти до нуля. Я здесь не могу сравнивать, но присутствующие здесь историки ПСР могут уточнить. А вспомните еще знаменитый спор (по данным из Амстердамского архива), который был между эмигрантскими группами в 20-е годы. Основной аргумент социал-демократов

(меньшевиков) был такой: нас намного больше оказалось в Советской России. И это при том, что буквально год-два назад соотношение их было несравнимо больше в пользу эсеров, в пользу народников.

Вот от этих крайностей к 1952 году уже избавились. Другое дело, что, объединяясь между собой, они стали рождать новые мифы и новые заблуждения. И вот мы сейчас во многом испытываем на себе негативные последствия тех мифов и заблуждений.

Первый миф, основной, который взяли и народники и эсдекименьшевики от западных социал-демократов, который мы ощутили на себе в 90-е годы, это что после развала жуткой тоталитарной советской системы простое население, привыкшее к системе социальных гарантий, к стабильному социальному обществу, воспримет именно идеи демократического социализма. Это была глубочайшая ошибка. Это было заблуждение, ударившее по нам, по всем тем, кто в 90-е годы пытался возродить идеи демократического социализма. В первую очередь выкидывают символы во время любых революций. Символ советской системы не отвечал содержанию, это было красное знамя, серп и молот, это была советская демагогия. Что в первую очередь выкинули? Именно символы со всей содержательной частью. Стали говорить, что богатым быть не стыдно. А быстрое богатство какое? Это спекуляция. Стали говорить, что защита прав трудящихся – это несерьезно, над этим надо смеяться. И трудящийся класс...

Да. И ликвидировали министерство труда... Стали втолковывать, что говорить о каких-то народных интересах, коллективных интересах недопустимо, у нас есть индивидуальные интересы, которые выше них. Ну ладно, на народные интересы плевали в советские времена, но у нас хотя бы была система советского патернализма. И таким образом идеи демократического социализма просто рухнули, они не были востребованы во все 90-е годы. Сейчас появилась возможность как-то их возродить, и теперь, возвращаясь к прозвучавшему здесь слову политика, я хочу сделать одно очень серьезное замечание. Я бы не сказал, что ветер дует в наши паруса. Скорее наоборот: если и будет что-то появляться, то это скорее в духе социалистического патернализма. В Аргентине похожая ситуация. Когда советские гарантии совмещаются, ну, скажем, с не очень демократическими тенденциями. Здесь же ближе к авторитаризму, а ля Лукашенко в Белоруссии...

Вот здесь все мрачно, мрачно, мрачно... Я подхожу к тому, что вечный вопрос русской интеллигенции: «А что же делать-то нам осталось?».

Дело в том, что мы сейчас пережевываем все-таки еще один миф, от которого не избавились со времен эсеров и меньшевиков, от которого не избавились те, кто согласился преодолеть ситуацию друго-врагов и пойти на призыв к единым социалистическим действиям, о которых идет речь в манифесте 52-го года. Я заметил: у всех, кто здесь говорил, будь то историки или политики, слово «партия» звучало через фразу. А нужна ли она там, где сейчас партийность не влияет на политическую ситуацию? Реально, сейчас?

Постменьшевистские тенденции можно проявлять в независимом рабочем движении, в протестном движении, которое сейчас возникает и оказывает уже более или менее серьезное влияние на ситуацию. Постнароднические тенденции (безусловно, классическое

народничество уже давно в прошлом), но постнароднические тенденции проявляются в новых движениях, в движениях новых левых. Кстати, здесь прямая аналогия, обратите внимание, что даже один из авторитетов новых левых, Питирим Сорокин, тот самый член эсеровской партии, который стал одним из великих социологов XX века, был не белым, а красным эмигрантом в Америке. Такое левое народничество проявилось не только в России. Оно очень себя проявило в тенденциях новых левых в Европе и Америке. И естественно, оно сейчас может появляться в экологическом движении, в протестных молодежных инициативах. В антифа-движении, которое сейчас является крупнейшим молодежным движением, безусловно, заметны эти надклассовые народнические нотки, неонароднические нотки.

Да, классическое народничество рухнуло, как и классический меньшевизм. Но свое наследие они оставили. Вот Павел Михайлович Кудюкин говорил о наследии в диссидентском движении, я к этому могу добавить. В 1982 году была попытка воссоздания партии меньшевиков. Это было известное диссидентское дело, и их, естественно, всех пересадили. Молодежь начиталась трудов Мартова и других лидеров меньшевиков, которые сумела где-то откопать, начиталась и попыталась воссоздать нечто именно с таким названием: партия меньшевиков. Но и народнические тенденции оказали влияние не только на Россию. вспомните советскую историографию. Даже она отмечала, что национально-освободительные движения развивающихся стран 60-х годов можно называть неонародническими. Я очень не люблю советскую историографию, но я не думаю, что в этом она ошиблась. Это действительно был всплеск надклассовых революционных движений.

Ну и, понимая, что у меня уже времени осталось очень мало, я хочу сказать, что спор, какой у нас будет социализм, наверное, можно оставить на следующий круглый или полукруглый стол, который у нас сейчас получился. А вот вопрос о том, как нам это наследие реорганизовать, какие мысли принять, а какие -- отбросить, это вопрос действительно для обсуждения здесь и сейчас. И вот если мы это сможем сделать, то защищать права человека здесь и сейчас мы сможем намного лучше, кем бы мы ни были по профессии.

Опубликовано 19 января 2009 г. на сайте «Мемориала»: <http://socialist.memo.ru>

Бесконечный застой, или Почти ностальгия по советским магазинам

Ну, конечно же, вы помните плавленый сырок «Дружба» за 20 копеек. Вернее, помните, если вам за тридцать.

Интересный психологический эксперимент, который я много раз проводил на своих знакомых. С людьми, которые намного старше меня, у меня одни и те же воспоминания, с тем же набором радостей, дефицитов, общих интересов и даже мест тусовок. Но если кто-то младше меня на 2-3 года, то образуется временной провал, дети перестройки помнят все совершенно иначе, как будто бы они уже жили в совершенно другом государстве.

Сегодня, разбирая розовые грезы о телевизоре «Рубин», финском сервелате и сырке «Виола», вдруг обнаруживаешь, что ностальгия не соответствует тому, что было тогда. Воспоминания юности не только у обывателей, но и у ученых с политиками далеко ушли от реальности. Словно это был не застой, а сладкий петушок на палочке, продаваемый цыганами на рынке в виде подкрашенного акварельными красками жженого сахара.

Ностальгия по застою – это извечная мечта России о спокойствии и единстве, когда послезавтра будет то же, что и вчера, а единственным достижением оказывается смена времен года: «прошла весна, настало лето – спасибо партии за это!».

На самом деле общество застоя не было единообразным. Оно, как советский магазин тех времен, состояло из трех разных несовместимых друг с другом частей, где люди жили в совершенно обособленных мирах, почти никогда не сталкиваясь друг с другом. Итак, начнем экскурсию воспоминаний по нашим достопамятным магазинам.

Прежде всего, нас встречала витрина. В отличие от современного магазина, витрина застойного общества всегда имела больше товаров, чем было в самом магазине. Внешняя картинка должна была рекламировать не товары, а образ жизни и поэтому быть ярче, чем сама жизнь.

У нас в стране лозунги заменяли рекламу, как в капстранах, и с той же целью промывки мозгов. Представления для интуристов были похожи на обертки западных товаров, когда под красивой яркой этикеткой содержится безвкусная синтетика.

Это в Венгрии был «гуляш-социализм», у нас в стране венгерский гуляш, наряду с курами и лечо, относились к разряду дефицита. Советскому блоку нужна была витрина перед Западом, и роль витрины хорошей жизни выполняли та же Венгрия, ГДР и частично Чехословакия. Москва – витрина Советского Союза, и каждый, кому посчастливилось приехать в столицу из других регионов, обязан был привезти мешок подарков для всех родственников, так же как советские командировочные – из-за рубежа. Такие витрины были в каждой Советской республике в лице их столиц. Но даже выставка на витрине отличалась от такой же в нормальном магазине. Если, по определению, образцы должны быть открытыми, то советский блок породил закрытые магазины с закрытыми от постороннего глаза витринами, где за непроницаемым для постороннего глаза стеклом могла отовариваться элита. Жизнь этой элиты так же была абсолютно закрыта от всего общества. Спецпайки, спецдачи, спецмашины и спецотдых на спецкурортах – это обязательные элементы жизни тех, кто обитал за затемненным стеклом советских элит. Их было мало, и в отличие от сегодняшних олигархов они не выставляли свои привилегии на показ. Номенклатура времен застоя – это резервация для богатых и властимущих, отдельная каста, в которую нельзя было попасть, даже наворовав много денег.

Вслед за витриной нас ждет общий зал магазина с тем самым сырком «Дружба» для всех, бутылкой свежеразбавленного кефира и докторской колбасой, если повезет. У большинства людей были радости, но эти радости всегда маленькие, бытовые и едины для всей страны. Победила хоккейная сборная, удалось поймать что-нибудь из дефицита или, наконец, после пяти лет ожидания, переехать из коммунального муравейника в выделенную ячейку в

панельном муравейнике.

С затаенной радостью вспоминая те годы, люди говорят: была же уверенность, что такая-то семья получит квартиру через три года. И забывают, что у другой семьи была абсолютная уверенность, что в ближайшие десять лет им ничего не светит. Конечно, память фильтрует плохое, и бесконечные очереди, погони за дефицитом в виде всего самого необходимого и склоки на коммунальной кухне забываются, потому что они недостойны воспоминания. Остается смотреть старые фотографии, где все одеты одинаково серо, будто они из инкубатора, носят одни и те же прически и слабо отличаются от солдат в казарме, встающих по общему приказу и лежащих по общему указанию телевизора об окончании эфира.

Самое интересное, конечно, было не в общем зале. Все, кто хоть чем-то отличался и не входил в официальную номенклатуру, проникали в подсобки. Интересно, что нынешнее поколение даже слабо понимает смысл этого слова, так же как, глядя в упор, не представляет, что такое «положить под прилавок». Именно в подсобках формировались те самые клубы по интересам, где кипела реальная жизнь. Туда проникали любыми путями – через связи, деньги, благодаря излишкам ума, любопытства, переходящего в настойчивость. Поскольку помещений много, но они маленькие, то и группы разделялись на маленькие атомизированные сообщества, подчас не знавшие о существовании друг друга. Когда кто-то из них совсем наглед или они становились слишком громкими, – это вызывало репрессии и дружное недовольство общей массы народа, не имевшей туда доступа.

Кружковщина в подсобных помещениях советского общества – это уж точно не подполье. За одно пребывание там еще не наказывали. Но сама возможность доступа говорила, что ты иной, как минимум не до конца советский и можешь гордиться хоть какой-то толикой собственной независимости. Именно там властвовал дефицит в виде западных товаров или не менее запретных идеологических кушаний – самиздата, тамиздата, специздата и перепечаток на машинке со слепым шестым экземпляром. Жизнь этих подсобных помещений давала ту самую романтику, которая начисто отсутствовала в советском офицозе. Даже сейчас можно ностальгировать, смотря на шепелявость Леонида Ильича, но я еще не встречал сумасшедшего, который назвал бы съезды марзматики под названием КПСС романтичными.

Самое интересное, что помимо чисто возрастных воспоминаний о молодости больше всего ностальгируют те, кто относился к общей массе, довольствуясь сырком «Дружба» и заказами под праздник с добавлением чая грузинского плиточного несъедобного сорта третьего в качестве нагрузки к, так и быть, выдаваемой банке красной икры. Видно, дело не просто в стабильности и отсутствии перемен. Архетип застоя намного глубже. Это мечта Ивана Ильича Обломова о борще ночью как главной радости, это Пошехонская старина, ставшая старой еще до своего появления, это старосветские помещики, радующиеся скрипу двери, которым даже в голову не приходит, что эти двери можно смазать. Если Илья Муромец 30 лет от рождения до появления чудесных «калик переходящих» лежал на печи, то 30 лет лежания входит в образ русского богатыря. Если Емеля дождался чуда, лежа на той же печи, то зачем с нее вставать вообще? В конце концов, чудо придет как-нибудь само, а не придет, то будет какая-нибудь катастрофа в виде ядерной войны, и вот тогда мы все

встанем, не важно для смерти или новой победы.

Застой бесконечен, и в блеске сегодняшних супермаркетов я опять вижу ту же самую трехчленную формулу, разбивающую наше общество на не соприкасающиеся друг с другом части.

Одни, как на витрине, живут в основном на Западе, отмывают там деньги, посылают детей учиться в лучшие западные вузы, чтобы они здесь не умерли от скуки, и возвращаются на грешную родину, только чтобы поучаствовать в дальнейшей грызне за место у властного корыта. Делается это тихо, подковерно, чтобы не мешать стабильности, ставшей главным критерием всей деятельности нынешней власти. Последние восемь лет все, что она делает, направлено на ее самоусиление, стабильность и то, что красиво названо «укреплением властной вертикали», забывая, что сверхукрепление лишает любую структуру гибкости. Но олигархически-властная витрина уже создана, и для нас она так же недоступна, как кортеж из «Чаек» и черных «Волг» для советского обывателя.

Не надо говорить, что власть не думает о народе. Думает, оставляя те же самые бытовые радости, что и тридцать лет назад. Канал «Спорт» с обязательными нашими победами, пускай даже и купленными на деньги корпораций, «Евровидение» и как превеликая радость, поездка на пляж в Турцию или Египет, если хватит денег. Да, конечно же, я забыл о сырке «Дружба», но поскольку у нас общество модернизировалось и термин «застой» никто не вспоминает, то сырок «Дружба» заменяем на «Сникерс», хотя, по-моему, тот плавленый сырок был вкуснее и полезнее, чем засовываемая в нас из рекламы липучая гадость.

Все, кто почему-то не хочет удовлетвориться «Ксюшей – юбочка из плюша», лезущей к нам из телятника, разбегаются по тем же самым маленьким коморкам. Это опять-таки не подполье. Их никто не выгоняет из душных клоповников, потому что там они мелки и безопасны. Сами условия не позволяют собираться большими группами и объединяться с другими подобными тусовками. Те, кто слишком вылезает наверх, громко кричит или пытается всех объединить, получают по голове, подчас буквально. Единственное достижение пока, что понятие дефицита потеряло продуктово-вещественный характер и превратилось в информационный интерес маргинальных кругов. Теперь вместо джинсов и перепечатки Булгакова друг другу дарят реальную информацию как самое ценное, что поддерживает уголок общения между такими же, как ты. Воистину, времена меняются – застой остается.

Вопрос только: надолго ли эта самая устойчивая в России система? Можно поразмышлять, тем более времени для обсуждений у нас будет очень и очень много. Главное – не кричать о своих выводах слишком громко, чтобы не вылезать из своих подсобных клоповников, где так удобно пережидать новый бесконечный застой.

Опубликовано 18 ноября 2008 г. на сайте Института верховенства права: www.ruleoflaw.ru

Игорь Подшивалов и Прямухинская Вольная артель

Выступление Станислава Маркелова на Прямухинских чтениях в июле 2007 г.

У меня с вольной артелью интересные ассоциации. Здесь на конференции присутствуют в основном историки и журналисты... И самое главное – философы. И почти у всех основные ассоциации связаны с именем Бакунина. А у меня это – топор, бревна, лопаты... Вольная артель – это конкретная работа на конкретных участках. Столбики до сих пор еще стоят, и они были поставлены не только мной, но и Игорем Подшиваловым. Мы тогда были в параллельных бригадах. Я организовал бригаду из «панков», а «Атаман» (И. Подшивалов) как-то не очень с ними сдружился и сам организовал бригаду из более идейных анархистов. Кстати, именно в Прямухинской Вольной Артели и произошло мое знакомство с Игорем, и я помню свое удивление этим человеком.

Дело в том, что я никогда не был анархистом по своим взглядам.

Я на все это смотрю как бы извне, и это очень удобно, так как можно видеть объективно и плюсы, и минусы анархистского движения. Волею судеб, с начала 90-х годов, даже с конца 80-х, развитие различных анархистских групп происходило на моих глазах. В положении вольного наблюдателя я видел появление, зарождение, распад различных по названию анархистских групп, состоящих из одних и тех же людей. Количество организаций всегда превышало количество людей! И попробуйте тут мне возразить... Однако личность Игоря Подшивалова решительно выходила за рамки сложившегося у меня тогда образа анархиста современной России, а сейчас можно сказать – и современной истории.

В конце 80-х самой крупной анархической организацией был КАС – Конфедерация анархо-синдикалистов. Я, как вольный наблюдатель, прекрасно понимал, что они ни в коем случае никакие не синдикалисты – в классическом понимании этого слова. Это скорее аналог студенческого анархизма, нравится это или не нравится старейшим членам КАС.

Потом, в 90-е годы, оно вообще перестало быть движением и превратилось в круг – достаточно замкнутый. Это был круг людей, варящихся в собственном соку, сконцентрированных на внутренних проблемах движения – кто, как и что делает, каких взглядов придерживается и т. д., оторванных от действительности и не отвечающих на общественные вызовы 90-х. Так возникла «своя среда», которая, с одной стороны, почти не обновлялась за счет прихода новых людей, а с другой – не выходила вовне с какими-либо действиями.

И из этой среды Игорь Подшивалов резко выпадал. В России связь между диссидентством и современным протестным движением практически отсутствовала. Если и были лево-радикальные или анархистские проявления среди диссидентского движения, то они потом никак не вливались в анархистское движение, за редкими, единичными исключениями. Что же касается Подшивалова – тут была прямая связь. Он начал свой путь от протестного

литературного движения (альманах «Свеча»)⁷, а потом, по мере роста его идейной и общественно-политической активности, выработал анархистские взгляды. И поэтому довольно органично перешел от протестных выступлений конца 1980-х годов, в которых он принимал самое активное участие, прямо в 90-е годы.

В принципе, людей со сходной биографией было очень много, но на другом идеологическом полюсе. Это либеральные диссиденты, пришедшие из правозащитной либеральной оппозиции 70-х –80-х годов, ставшие в 90-е ярыми либералами и работающие в правозащитных организациях вплоть до сегодняшнего дня.

Но в левом движении, даже в его умеренных крыльях, такого не было. В этом отношении личность Игоря Подшивалова была уникальной.

Второй аспект. В 90-е годы левая кружковщина уже не соответствовала массовым социальным протестным движениям конца 80-х. Я думаю, все помнят массовые выступления по экологической и социальной тематике, собиравшие сотни тысяч активных участников – шахтерские забастовки, выступления на волне Чернобыля и др. Многие ли из участников той протестной волны остались в кружках 90-х? Я таких не знаю. Но те, кто остался, «не поступились идеологическими принципами». Я имею в виду постулаты – не важно, какие: анархические, социалистические, социал-демократические, синдикалистские... Эти «принципиальные» сохранились в «заспиртованном» состоянии в 90-е годы. Иногда это действительно происходило в заспиртованном состоянии – из внутреннего протеста кто-то сбивался в глобальную пьянку.

А Игорь вышел из протестного движения и был одним из инициаторов этого движения у себя в Иркутске. При этом он умудрился сохранить прежний подход и в 90-е годы.

Посмотрите на биографию Игоря Подшивалова и сравните ее с деятельностью других лиц, групп, действующих активно, – неважно, анархисты они или не анархисты – в 90-е годы. В основном это были попытки научной деятельности или же образовательные проекты. А Игорь Подшивалов всегда появлялся там, где была хоть какая-то возможность повлиять на ситуацию в стране. Если возникала социальная протестная деятельность – он появлялся там. Когда возникали какие-то организации, как Прямухинская Вольная артель, он появился в Прямухино. До этого, насколько я знаю, он и близко не приближался к среде, в которой здесь оказался.

Представьте себе, что человек абсолютно консервативных взглядов – жутко традиционалистских взглядов – оказывается в среде: 15 панков, 10 хиппи, 5 идейных анархистов, несколько левых разгильдяев – но при этом все упорно работают. Да, да – не удивляйтесь. Это относится к периоду не упадка, а взлета Прямухинской вольной артели. Столбики, ими вкопанные, стоят более десяти лет, – не знаю, кому они нужны, но – стоят. И пруд до сих пор стоит очищенный (вот тут меня поправляют – зарос наполовину...).

Что для меня было удивительным в личности Подшивалова, так это его уникальная способность адаптироваться к любой ситуации. Закончилось все это тем, что последний прием в КАС происходил здесь, в Прямухине – панков туда принимал Подшивалов. А ведь с

самого начала он объявил, что ненавидит всяких панков. А потом они ему понравились! И он им понравился.

После Прямухино наиболее активная сфера деятельности Подшивалова была связана с протестными лагерями «Хранителей радуги». Но до 1996 года (а это ростовский лагерь)⁸, т.е. до «Хранителей радуги» Подшивалов долгое время вообще не занимался экологией, и подобная форма лагерей ему вообще не была знакома. И вот это стало для него новым делом, где он мог проявить себя. Но он и тут пошел против волны, поскольку во многие структуры в этих лагерях, в их организацию он не вписывался. Но при этом он не пытался подстроиться под систему, а сам перестраивал систему путем ее реорганизации, что для совершенно дезорганизованной экологической и анархистской среды было непонятно. Он пытался ее построить на идейных принципах, что порождало достаточно серьезные конфликты.

Однако, если мы возьмем все крупнейшие акции, которые проводило либертарное движение в 90-х годах, то практически во всех ведущая роль принадлежала Подшивалову. Мне вспоминается Сартр и его замечательная формулировка, что настоящее человеческое счастье – это когда человек умудряется навести порядок в хаосе. Подшивалов, возможно, не читал Сартра, но он был именно таким человеком. Ему очень часто приходилось попадать в хаос, и ему при этом удавалось, и не раз, навести в нем порядок.

Здесь, в музее⁹, я прочитал на одном стенде, что Прямухино – это некая утопия. В 96-м году это для нас не было утопией. Перефразирую: для нас это была реализованная утопия. В конце концов, именно здесь заработала система вольной организации труда. Люди трудились даже не за еду: мы сами добывали еду, собирая грибы и ягоды, чинили кровли у соседей и пр. А система работала, потому что такая организация труда людям нравилась, они с готовностью шли на тяжелый физический труд. И это во многом было заслугой атамана Подшивалова.

Кстати, интересно, что ввиду молодежного, а во многом и маргинального характера анархистского движения, оно никогда не признавало традиционных ценностей. А вот Атаман совмещал в себе вещи несовместимые: жесткие анархистские убеждения и принадлежность к традиционным структурам.

Он действительно был атаман казачьего войска! Как это стало возможно, что он поддерживал традиционные ценности и пытался объединить их с необузданным вольным анархистским духом? Оказалось, что возможно.

Есть понятие «неожиданная смерть», когда жалко потерять человека. И безусловно, так было с Игорем Подшиваловым. Но с позиции истории, даже по прошествии года становится понятна та грань, за которой дальнейшее совмещение столь разных течений уже невозможно. В последние годы и сам Игорь это понимал – я сужу по нашей переписке. Он уже не мог находиться на развилке, поддерживая и дорогие ему традиционные ценности, и анархистские идеи. И эта внутренняя конфликтность, противоречивость фигуры Игоря была всегда заметна. С другой стороны, это был человек, которому все отдавали должное. Он был единственным, кто мог сохранить идейность там, где другие ее теряли, и мог выстоять там,

где общая волна двигалась в другую сторону.

Пусть это мое субъективное мнение, но мне кажется, что Прямухинская Вольная артель в жизни Игоря Подшивалова была одним из ярчайших явлений. Потому что здесь сочетание традиционных подходов и стремление к реализации анархистских идей нашли довольно полное выражение. Он смог это реализовать, и это не вызвало никаких конфликтов. Наоборот – только приятие.

Идеология левого движения в 90-е годы – это постоянные протестные акции. Антивоенное движение против войны в Чечне, экологическое, социальное... Что говорит на это обыватель: «Вы только протестуете и не даете никаких позитивных примеров, у вас их нет. Вы не можете создать ни мощный профсоюз, ни мощную политическую организацию и пр., и пр.». Прямухинская Вольная артель была той самой позитивной альтернативой, которую можно было предъявить. Она была создана без денег и без указки сверху. Заслуга Игоря Подшивалова состояла в том, что он смог реализовать эту утопию.

Если считать, что левые идеи реализуемы через 150 лет, то в таком случае все движение превращается в движение мечтателей, далеких от жизни и видящих какую-то перспективу только в рамках научной дискуссии. Но – попытаюсь закончить.

Взгляды Игоря Подшивалова и мои могли сильно отличаться. И мы это прекрасно понимали – при самых дружеских отношениях. Но я глубоко уважаю людей, которые могли делом доказать, что либертарное движение – это не научная фантастика и не взгляд какого-нибудь провидца, наподобие Белинского, который говорил в 1842 году, что через сто лет у нас будет замечательная жизнь. Ничего хорошего через сто лет не было.

А вот то, что анархисты сделали свою баррикаду на второй день трехдневного противостояния на ступеньках мэрии в 1991-м, было всегда предметом гордости Игоря.

По материалам сборника: Прямухинские чтения. М., 2008 г.

Два мира, две смерти

У нас и в Европе не только живут по-разному, но и по-разному умирают. Во всяком случае, общественную значимость вызывают абсолютно разные смерти, и последствия этих трагедий тоже чуть ли не противоположные. Чтобы не говорить загадками, предлагаю просто включить телевизор и сравнить первые темы новостей у нас и на любых европейских каналах.

Когда просматриваешь телепрограмму, создается впечатление, что Россия никак не может вырваться из глубокого и беспредельного траура. Так и ждешь, в память о советских временах, «Лебединого озера», неизменно отплясываемого на экранах в честь очередного почившего генсека. Ловя себя на подобном сравнении, не можешь отделаться от вопроса: патриарх же ведь не генсек, не глава государства? Церковь – общественная организация. Почему вся страна должна впадать в траур из-за смерти главы общественной организации?

По официальной статистике, воцерковленными у нас являются 4% граждан, для остальных верующих церковь – это скорее дань традиции. Но если включаешь телевизор, такое ощущение, что мы живем при теократической деспотии и никаких событий, кроме доставки икон и чьих-то мощей из одного пункта поклонения в другой в нашей стране не происходит. А уж смерть Алексия¹⁰ обязана быть личным горем каждого. Хорошо еще, что не устроили давку на похоронах, как было, когда умер Сталин.

Безусловно, смерть главы главенствующей конфессии – важное общественное событие, и очень бы хотелось, чтобы оно стало поводом для обсуждения серьезных вопросов. Например, мог ли Алексей, возглавляя церковь в самом проблемном советском регионе – Эстонии, добиться таких церковных высот без крепкого сотрудничества с компетентными органами? Особо циничные граждане уже тихонько напевают себе под нос песенку Пугачевой: «Ах, какой был мужчина, настоящий полковник». Или как с христианскими ценностями связан безакцизный провоз спиртного и табака, на чем богатела церковь в 90-е годы? Вроде алкоголь и курево пока у нас не заменили ладан и не стали предметом церковного культа. Можно было бы еще порассуждать на тему, точно ли все деньги, собираемые чуть ли не путем государственного рэкета со всей страны, пошли на храм Христа Спасителя, в котором столь торжественно отпевают усопшего? Или же на эти деньги можно было построить целый городок из храмов Христа Спасителя? Но вместо ответов на эти и еще многие другие вопросы нам показывают реалити-шоу, делая из интимного вопроса смерти человека и личного горя его близких и родных чуть ли не сериал «Похороны за стеклом».

На фоне желания немедленно причислить Алексия к святым замечательно выглядят российские комментарии на события в Греции по поводу трагической гибели подростка от пули полицейского¹¹. Вся аналитика официозной журналистики примерно сводится к двум посылам: «они там с жиру бесятся» и «они с ума посходили, устраивают столько шума из-за гибели какого-то молокососа».

Только эти комментарии не ложатся даже как текст под картину греческой революции. Можно ли «беситься с жиру», подставляя себя под водометы и пускаемый полицией газ? Если бесится с жиру греческая молодежь, то почему вся страна поддержала их требования, объявив всеобщую забастовку? Или что, страна сама сошла с ума и решила коллективно взбеситься с жиру?

Даже вошедшее в нашу официальную догму противопоставление российской духовности и западной распушенности в данном случае никак не выполняется. В Греции тоже православие, и страна настолько пропитана принципами именно православного христианства, что может послужить примером даже для российских радетелей церкви.

Не имея официальной версии, попробуем сами объяснить, почему у нас и в Европе такое разное отношение не только к жизни, но и к смерти.

В России важен официальный статус человека. Чем выше он забрался по иерархической лестнице, тем больше ему уважения и, как сейчас выяснилось, тем активнее ему приписывают святость. Святым у нас становятся по должности, и ожидание нового

патриарха похоже на чаяние нового святого. Газеты прямо пестрят заголовками: «В ожидании нового духовного отца». Причем это газеты не церковные и не религиозные, а самые что ни на есть светские и даже развлекательные. Когда насильственно становятся родителями – это плохой признак. Я почему-то думаю, что уж кого-кого, а отцов, в том числе и духовных, каждый человек может определить себе сам.

По государственной доктрине власть безгрешна и окружена ореолом абсолютной самоценности. Те, кто добился в ней высшей ступеньки, сразу становятся отцами нации и святыми по статусу. Мы точно следуем византийским правилам, где каждый новый император автоматически становился святым. В эту доктрину никак не вписывается, что смерть простого подростка может стать общенациональным событием, а на его похороны без всякой рекламы и круглосуточных репортажей по телевидению соберутся 5 тысяч человек. У нас личная инициатива должна быть санкционированной, иметь государственную поддержку и всестороннее освещение в СМИ. Вот тогда получится «хорошо организованное стихийное личное горе каждого россиянина».

Во время похорон Алексия центр Москвы был перекрыт, даже киоски не работали. Проходя по пустынным улицам и не имея возможности купить бутылку воды, я думал, почему обязан мучиться из-за смерти человека, к которому не имел никакого отношения. В Греции люди испытывают неудобства ради того, чтобы отменили реформы, ущемляющие интересы большинства жителей. Для такой цели можно перетерпеть и беспорядки на улицах. Но терпеть из-за телешоу под названием «Смерть патриарха»? Нет, уж лучше вовремя переключить кнопки телевизора на любой нероссийский канал, если, конечно, к нему есть доступ, или выкинуть телеящик вообще.

Опубликовано в декабре 2008 г. на сайте Института верховенства права: [www. ruleoflaw.ru](http://www.ruleoflaw.ru)

Версия #1

Зверобой создал 15 апреля 2025 22:15:12

Зверобой обновил 15 апреля 2025 22:37:38